
**ВРЕМЕНА И ПРАВЫ:
МЕМУАРЫ, ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ**

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА ФОН ГУМБОЛЬДТА
С ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК**

© 2020 г. Е. Г. Пивоваров^{а,*}, А. Ю. Скрыдлов^{а,**}

^а Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: pivovaro@mail.ru

**E-mail: askrydlov@gmail.com

Поступила в редакцию 13.01.2020 г.

После доработки 27.01.2020 г.

Принята к публикации 18.05.2020 г.

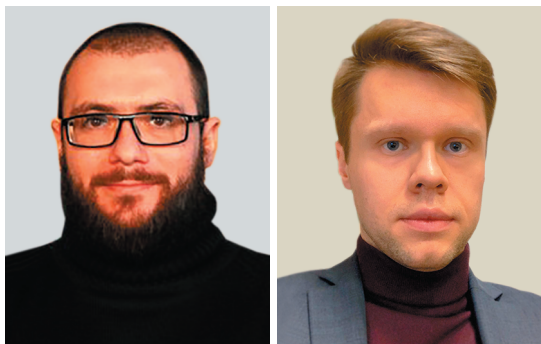
2019 г. знаменателен в истории изучения научного наследия немецкого естествоиспытателя, географа, путешественника, одного из основоположников современной географии, геофизики, гидрографии, почётного члена Императорской академии наук Александра фон Гумбольдта (1769–1859). Его поездка в Россию в 1829 г. вызвала большой резонанс в научном сообществе и широко освещалась в прессе. Он был знаком и состоял в переписке со многими отечественными учёными и государственными деятелями. К малоизученной части эпистолярного наследия Гумбольдта можно отнести его переписку с президентом Императорской академии наук, министром народного просвещения С.С. Уваровым. Она представляет существенный интерес как с точки зрения истории межличностных отношений двух ярких деятелей культуры, так и в контексте изучения международных связей академии. В статье предпринята попытка на основе архивных документов воссоздать историю взаимоотношений двух выдающихся организаторов науки того времени.

Ключевые слова: Александр фон Гумбольдт, С.С. Уваров, Императорская академия наук, международные научные связи, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

DOI: 10.31857/S0869587320080095

Наследие Александра фон Гумбольдта, чей юбилей недавно широко отмечался по всему миру¹, оказало большое влияние на развитие естественных наук в России [1]. В Государственном архиве

Российской Федерации (ГАРФ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранилась обширная переписка учёного с представителями имперской элиты. Часть документов была издана в переводе на русский язык в 1962 г. сотрудниками Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН [2]. Многие из них, к сожалению, до последнего времени были известны лишь в виде приведённых в названном труде кратких аннотаций [3].

ПИВОВАРОВ Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН. СКРЫДЛОВ Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН.

¹ В 2019 г. в России состоялась серия юбилейных научных мероприятий. Наиболее масштабные среди них – Международная конференция “Гумбольдт в России”, посвящённая двойному юбилею – 250-летию со дня рождения Александра фон Гумбольдта и 190-летию его экспедиции по России (19–20 сентября, Санкт-Петербург) и Международная конференция “Российская наука в европейском контексте в первой половине XIX в.” (12–13 ноября, Санкт-Петербург).

В то время расшифровкой писем занималась сотрудница Ленинградского отделения института Т.Н. Кладо. Первая в России женщина-аэролог, выпускница – золотая медалистка столичных Бестужевских курсов [4], чьё сочинение, выполненное под руководством А.А. Фридмана в Петербургском университете, получило диплом первой степени [5], она до начала “кировского потока” успешно работала в Главной физической и Павловской аэрологической обсерваториях. Свидетельством высокой научной репутации среди коллег стало её назначение в 1931 г. руководителем сектора аэроклиматологии Института аэрологии. В марте 1935 г. её арестовали и выслали из родного города [6]. Лишь в 1955 г., на 66 году жизни, она получила возможность снова заниматься научной деятельностью, став старшим лаборантом Ленинградского отделения ИИЕТА [7, с. 38, 39].

Перевод эпистолярного наследия немецкого энциклопедиста стал первым крупным проектом института, в котором Т.Н. Кладо довелось принять участие. Письма Гумбольдта, имевшего крайне неразборчивый почерк, изобиловали зачёркиваниями, дополнениями и заметками на полях. Их расшифровка была необычайно сложна и требовала не только свободного владения немецким, французским, латынью, древнегреческим – в рамках одного послания учёный с лёгкостью переходил с одного языка на другой. Переводчик должен был в совершенстве знать научную терминологию того периода; быть в курсе основных достижений ведущих исследовательских школ, сложившихся в первой половине XIX в., хорошо разбираться в многочисленных персоналиях, упоминаемых в письмах. Неслучайно В.А. Есаков, один из наиболее информированных советских историков науки, плодотворно занимавшийся изучением связей Гумбольдта с Россией [8], в письме Кладо от 12 января 1962 г. так высоко оценивал её роль в подготовке сборника: «Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна! Посылаю Вам авторский экземпляр “Переписки А. Гумбольдта”. Я и весь коллектив, принимавший то или другое участие в подготовке сборника к изданию, горячо Вас благодарим за Вашу адскую и гигантскую работу по переводу писем А. Гумбольдта, а также за повседневное участие в подготовке рукописи к печати. Желаем вам всего наилучшего. С искренним приветом, Есаков» [9]. Материалы, подготовленные Кладо в конце 1950-х–начале 1960-х годов, в том числе так и не опубликованные переводы писем, были сохранены ветераном научного творческого коллектива СПбФ ИИЕТ РАН Н.Г. Суховой и любезно предоставлены нам для изучения.

К малоисследованной части наследия Гумбольдта можно отнести его переписку с президентом Императорской академии наук, министром

народного просвещения Сергеем Семёновичем Уваровым. Она представляет большой интерес как с точки зрения истории межличностных отношений двух ярких деятелей культуры, так и в контексте изучения международных связей Академии наук. Мы не претендуем на то, чтобы восстановить все обстоятельства многостороннего сотрудничества Гумбольдта и Уварова, – это невозможно без изучения всего корпуса корреспонденции, сохранившейся в европейских архивах, и без привлечения других источников (дневников, мемуаров, официальных отчётов разного рода учреждений, с которыми так или иначе были связаны два выдающихся организатора науки), а лишь постарались сделать общий обзор известных и доступных нам писем, хранящихся в российских архивах.

В настоящее время известно 16 писем Гумбольдта к Уварову: девять из них ранее опубликованы на языке оригинала или в русском переводе, семь – до недавнего времени известны российским исследователям в виде аннотаций, изданных в качестве приложения к “Переписке Александра Гумбольдта” 1962 г. и опубликованных авторами статьи в 2019 г. Для воссоздания более полной картины мы также приводим два письма Уварова Гумбольдту от 27 марта 1833 г. и 7/17 августа 1852 г. (табл. 1).

В российских архивах хранится ряд писем Гумбольдта, адресованных неустановленным лицам. Их окончательная атрибуция – задача сложная. Несмотря на то, что Уваров мог быть гипотетическим получателем писем, отсутствие в большинстве случаев каких-либо существенных доказательств этого не позволяет нам их цитировать. Мы приводим лишь два подобных документа:

- письмо Гумбольдта Уварову от 25 февраля 1833 г., которое хранится в РГИА в фонде Министерства просвещения в том же деле, что и другие атрибутированные письма (из контекста письма понятно, что оно адресовано министру просвещения);

- документ от 8 сентября 1839 г. из Собрания П.А. Вакселя Российской национальной библиотеки, на котором имеется помета карандашом “Автограф Гумбольдта”.

Эта помета, как следует из описи, может принадлежать “князю Лобанову”, вероятно, известному коллекционеру Александру Яковлевичу Лобанову-Ростовскому. На обложке дела рукой библиографа сделана ещё одна пометка карандашом о том, что предположительным адресатом письма мог быть князь Лобанов. Однако авторы публикации 1962 г. посчитали это письмо адресованным Уварову. Нам представляется такая атрибуция верной, вытекающей из содержания документа: Гумбольдт просит трудоустроить физиолога Роберта Ремака. Подоб-

Таблица 1. Переписка А. Гумбольдта с С.С. Уваровым

Дата	Корреспондент	Архив
Письма, опубликованные в 1962 г.		
26 ноября 1829 г.	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17, № 41/174. Л. 201
20 июля 1833 г., Берлин	Гумбольдт—Уварову	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 8
18 апреля 1835 г., Потсдам	Гумбольдт—Уварову	СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 81. Л. 208
10 августа 1838 г., Берлин	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 192, 192 об.
22 октября 1838 г., Париж	Гумбольдт—Уварову	ОР РНБ. Ф. 991. № 603. Л. 1—4
2 июня 1842 г., Сан-Суси	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 193, 193 об.
28 сентября 1842 г., Париж	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 194, 194 об.
8 апреля 1845 г., Париж	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 195, 196
5 ноября 1847 г.	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 197
Письма, опубликованные авторами статьи в 2019 г.		
[1829 г.]	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 204
27 марта 1833 г., Петербург	Уваров — Гумбольдту	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 7, 16
9 августа 1840 г., Сан-Суси	Гумбольдт—Уварову	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 9
29 июня 1841 г., Париж	Гумбольдт—Уварову	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 8
13 июля 1842 г., Берлин	Гумбольдт—Уварову	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 11, 11 об.
18 мая 1843 г., Потсдам	Гумбольдт—Уварову	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 13, 14
21 февраля 1851 г., Берлин	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 198, 198 об.
30 июля 1852 г., Сан-Суси	Гумбольдт—Уварову	ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 41/174. Л. 199, 200
7/17 августа 1852 г.	Уваров—Гумбольдту	ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 41/126. Л. 227, 228
Письма Гумбольдта неустановленному адресату, предположительно — С.С. Уварову		
25 февраля 1833 г.	Гумбольдт—[Уварову]	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 413. Л. 6
8 сентября 1839 г.	Гумбольдт—[Уварову]	ОР РНБ. Ф. 965. Собрание П.А. Вакселя. № 1310. Л. 1

ные вопросы, несомненно, находились в ведении министра народного просвещения.

Вероятно, Гумбольдт и Уваров были заочно знакомы с 1810-х годов. Уведомляя 18 апреля 1835 г. о смерти своего брата Вильгельма², почётного члена Императорской академии наук, Гумбольдт вспоминал: “Мой брат во время пребывания в Вене имел удовольствие состоять в дружеских отношениях с Вашим превосходительством и, если можно так выразиться, присутствовал при первых успехах, достигнутых Вами на благородном поприще классической литературы” [10, л. 208]. В 1818 г. по предложению академиков Н.И. Фуса, Н.Я. Озерецковского и А.И. Шерера Гумбольдта избрали почётным членом Императорской академии наук. 7 октября 1818 г. на Общем собрании была зачитана его благодарность за это. Как следует из отчёта, он “с большим уважением отзывался о достижениях нынешнего Президента,

² В 1806—1809 гг. Уваров находился в Вене при русском посольстве. Его первые сочинения были изданы за границей. В 1810 г. В. Гумбольдт служил прусским посланником в столице Австрии.

который с такой несравненной мудростью изучал загадочные источники древности” [11, § 356].

Личная же их встреча произошла в 1829 г., когда министр финансов Егор Францевич Канкрин пригласил немецкого исследователя посетить Россию. В письме от 30 июля 1852 г. Гумбольдт вспоминал: “Я немного горжусь тем, что сохранил в своём сердце память и не забыл того глубокого впечатления, которое Вы произвели на меня 23 года назад” [12, л. 199, 200]. Это путешествие вызвало небывалый энтузиазм в России. Гумбольдт писал своему брату Вильгельму: “Мои светские успехи не поддаются описанию. Вся аристократия, все учёные — все постоянно кружат вокруг меня. Нельзя быть принятым с большим почтением и гостеприимством... Почти каждый день я обедаю с императорской семьёй в узком кругу — стол накрыт на 4 персоны” [1, с. 6].

В российских периодических изданиях появлялись многочисленные заметки, посвящённые визиту учёного. Так, известный литератор П.П. Свинын сообщал читателям журнала “Отечественные записки”, что Гумбольдт “удостоился быть приглашённым к обеденному столу государя

императора, а потом ежедневно получал приглашения к министрам и вельможам нашим, кои, казалось, наперерыв старались оказать ему своё уважение и гостеприимство русское” [13, с. 283].

29 апреля 1829 г. он выступил с докладом в Академии наук и вскоре после этого отправился в семимесячную экспедицию, во время которой познакомился с несколькими местными любителями науки. Четыре года спустя Гумбольдт писал Уварову, что часто и тепло вспоминал о “сокровищнице географических данных”, организованной в Оренбурге военным инженером Григорием Ф. Генсом: “В воспоминаниях я часто переношусь в Оренбург, где у полковника Генса имеется целая сокровищница географических данных о Хиве, Самарканде и [неразборчиво] о Петропавловске и Усть-Каменогорске” [14, л. 8].

По возвращении в Петербург Гумбольдт снова посетил академию. На внеочередном собрании 16 ноября 1829 г. присутствовали “Её Величество Великая Княгиня Елена [жена Великого Князя Михаила Павловича], <...> герцог Вюртембергский Александр [Его сестрой была жена царя Павла I], дворяне императорского двора, штат Члены Совета, дипломатический корпус, министр народного образования <...>, министры, почётные и корреспонденты академии и большое количество сановников обоих полов, учёных и писателей нашей столицы” [1, с. 7]. Официальная газета “Санкт-Петербургские ведомости” опубликовала отчёт об этом событии. Автор писал: “16 ноября этого года останется знаменательным днём в летописи Академии наук” [там же]. Речи, произнесённые тогда Гумбольдтом, Уваровым и другими академиками, были опубликованы в виде отдельной книги [15].

Личное знакомство двух выдающихся деятелей науки переросло в дружескую переписку. Научная миграция и подбор кадров для российских высших учебных заведений оставались основными её темами на протяжении 1830-х—1840-х годов. Гумбольдт часто рекомендовал немецких географов, минералогов, филологов на вакантные должности в российских университетах. Несколько будущих российских академиков — Отто Вильгельм Герман фон Абих, Людвиг Фридрих Кемц, Адольф-Теодор Купфер, Карл-Юлиус Фрицше и другие — были его корреспондентами и протеже.

Так, в письме от 25 февраля 1833 г. Гумбольдт писал из Берлина: “Я вместе с моим учёным другом г. [Эйльхардом] Митчерлихом (знаменитейшим в Германии химиком) рекомендовал бы одного молодого человека (г. Фритцше), уже отличившегося остроумными применениями химических методов к исследованию растительной организации; он в течение нескольких лет является начальником нашей академической лаборатории.

Я думаю, что это было бы прекрасное приобретение, и смею просить Вас, мой знаменитый друг, оказать ему своё покровительство” [14, л. 6].

После того как Николай I назначил Уварова министром народного просвещения, он сообщил адресату, что теперь получил больше возможностей для продвижения рекомендуемых им учёных [14, л. 7]. Поздравляя его с новой должностью, Гумбольдт не забыл упомянуть, что условия жизни и работы Купфера “могут быть улучшены” [14, л. 8]. В течение многих лет он продолжал следить за достижениями и карьерой своих протеже. Многие из них получили назначения в Дерптском университете — одном из старейших университетов Российской империи, основанном в 1803 г. (ныне — Тартуский университет в Эстонии). Обучение там проходило на немецком языке, поэтому приезжие профессора не испытывали особых языковых или культурных трудностей.

Поскольку Гумбольдт, как он сам писал Уварову, был “обречён постоянно беспокоить” его своими “дерптскими интересами”, почти все его письма в тот период содержали предложения относительно подходящих кандидатов на кафедры университета. Так, в письме от 2 июня 1842 г. он отмечал: “Ваше превосходительство только что сделали два очень удачных приобретения для усовершенствования изучения физики и геологии в Дерптском университете. Гг. Кэмц и Абих — два учёных, об отъезде которых я сожалел бы, если бы не знал, что мы не в состоянии предложить им у себя то положение и то широкое поле исследования, которые могут быть им предоставлены под Вашим покровительством” [12, л. 193].

В 1842 г. Абих, которого активно поддерживали его знаменитые наставники — Гумбольдт и Кристиан Леопольд фон Бух, был назначен профессором минералогии в Дерптском университете. Во многих письмах немецкий учёный интересовался достижениями своего ученика. 13 июля 1842 г. он напоминал: “Я вместе с моим другом, великим геологом Леопольдом фон Бухом, заинтересован в успехах г. Абиха, которому Вы благоволили предоставить кафедру в Дерпте. Это один из самых выдающихся людей в Германии, изучающий природу со всей проницательностью превосходного наблюдателя, который наносит графически всё, что относится к конфигурации почвы. Он даст вам сейчас то, что в настоящий момент менее всего исследовано” [14, л. 11].

Три года спустя он снова поблагодарил Уварова за “особое покровительство Абиху в его поездке по Арарату” [12, л. 195, 196]. В письме от 5 ноября 1847 г. Гумбольдт ещё раз высоко оценил достоинства учёного и сформулировал свой принцип научной работы — за обширным полевым исследованием должна следовать незамедлительная обработка его результатов: “Г-н Абих, ко-

тогого мы считаем первым немецким геологом после г-на Леопольда Буха, привезёт ценнейшие результаты наблюдений, и нужно, чтобы он не дал им устареть. Наука идёт вперёд быстрыми шагами: экспедиция никогда не должна затягиваться слишком надолго. Нехорошо, если результаты наблюдений выходят в свет тогда, когда научный горизонт уже расширился во многих направлениях» [12, л. 197].

Зная, что Уваров интересовался античностью, Гумбольдт рекомендовал ему нескольких филологов. Эти учёные не стали в России известны так же, как их коллеги-естествоиспытатели. Мы знаем только их фамилии: доктор Ганталь и доктор Меркер. Оба были учениками выдающегося лингвиста Филиппа Августа Бёка, работавшего в Берлинском университете. В мае 1843 г. в письме из Потсдама Гумбольдт в ироничной форме охарактеризовал одного из новых профессоров: «Доктор Меркер, также лектор Берлинского университета, один из самых выдающихся учеников Бёка в области эллинизма, был избран в Дерпте на кафедру филологии. Я настоятельно рекомендую его высокому покровительству Вашего превосходительства. <...> Вы сказали в Ваших этюдах: «Метафизика, которая предполагает факты, никогда не сможет удовлетворить человеческого ум». Эта аксиома заставляет меня надеяться, что в д-ре Меркере Вы с удовольствием найдёте соединение филологии, истории и философии, соединение, исключаящее пустые и фантастические предположения. Г. Меркер — солидный учёный и владеет различными современными языками, даже польским. Вы увидите из прилагаемой работы, что единственный порок, какой я за ним знаю, это — что он пишет греческие стихи» [14, л. 13, 14].

Примечательно, что профессиональную характеристику учёным в области естественных наук Гумбольдт всегда давал сам, но, рекомендуя гуманитариев, обычно ссылался на мнение экспертов. Так, 29 июня 1841 г. он писал из Парижа: «Я осмеливаюсь просить у моего президента высокого покровительства в пользу одного немецкого филолога, доктора Ганталя, который едет в С.-Петербург после долгих занятий в библиотеках и хранилищах рукописей Рима, Флоренции, Оксфорда, Парижа и Германии. <...> он опубликовал работы о Персии и о Горации по источникам, из которых пока ещё никто не черпал. Гг. Бёк, Готтфрид Герман и Амман из Дрездена отзываются о моральных качествах г. Ганталя самым благоприятным образом. Я чувствую, что мои рекомендации станут для Вашего превосходительства чем-то вроде перемежающейся болезнью» [14, л. 10].

В письме от 18 мая 1843 г. он уже сам оценивал профессионализм другого профессора Дерптского университета — анатома Карла Богислава Рай-

херта: «г. Рейхерт, которого я и лично люблю за его прекрасный характер, занимает первое место благодаря своим исследованиям по сравнительной анатомии, сложному вопросу, где на каждом шагу встречаются трудности» [14, л. 10].

В своих обращениях к Уварову Гумбольдт следующим образом объясняет то, что он способствовал своеобразной «утечке мозгов» из Германии в Россию: «Вы спросите, может быть, почему я лишаю свою страну лиц, о которых отзываюсь с большой похвалой. Я отвечаю снова, что мы воспитываем больше учёных, чем можем прокормить, что ваши университеты дают более выгодное положение, чем наши; я отвечаю, что верю в научную республику, где различные народы христианской и цивилизованной Европы должны вступать во взаимный обмен» [14, л. 13, 14].

Рекомендуя своих коллег, немецкий учёный всегда подчёркивал их профессиональные навыки, глубокие знания предмета и новизну идей, не признавая никаких других критериев, которые могли бы влиять на статус настоящего учёного. 8 сентября 1839 г. он напомнил Уварову об эмбриологе Роберте Ремаке: «У нас здесь есть один молодой учёный, уроженец Польши, доктор Ремак, который, получив вторую премию на медицинском факультете Берлинского университета, отличился своими аналитическими исследованиями, весьма тонкими, весьма любопытными, относившимися к строению нервов, их сплетений и нервных узлов. <...> Мне кажется, в Виленской медицинской академии в данный момент есть свободная вакансия по физиологии. Г. Мянковский, профессор того же учреждения, подал г. Ремаку некоторые надежды. Молодой человек принадлежит к иудейской религии, и шепетильность, которую Вы отнюдь не осудите, препятствовала бы ему принять христианство только по мотивам выгоды. Он поспешил написать в Вильно, что он еврей и что академия должна знать об этом обстоятельстве. Мне известно, что Ваше законодательство, весьма терпимое в делах национальных верований, позволяет легко устранить затруднение в некоторых случаях, делая снисхождение ради заслуг человека. Мне очень хотелось бы надеяться, что Ваше превосходительство отнесётся в виде исключения» [16, л. 1].

Среди других важных тем, на которые корреспонденты общались в 1830-х — 1840-х годах, — обсуждение недавно опубликованных научных работ, создание новых научных периодических изданий, обмен научной литературой. Почти в каждом письме они комментировали достижения друг друга. 18 мая 1843 г., находясь в Потсдаме, Гумбольдт уведомил Уварова: «Я имел высокую честь приобрести прекрасный сборник Ваших трудов по филологии и поэзии и по началам философии. Я перечитал с бесконечным удоволь-

ствием мистории. Я вновь восхищался возвышенностью стиля, который, как всегда, проистекает из возвышенного строя души» [14, л. 13, 14].

Там же он сообщал о получении экземпляра только что вышедшей из печати “Центральной Азии”: «Милостивый государь, решаюсь просить Ваше превосходительство принять с той благосклонной снисходительностью, какой Вы меня дарите уже столько лет, почтительное подношение, которое я Вам шлю столь поздно, так как лишь несколько дней назад получил экземпляр моей “Центральной Азии”. <...> Может быть, чувство научной скромности должно было заставить меня воздержаться от мысли преподнести Вам книгу, кишашую численными выкладками, врагами всякой мысли» [14, л. 13, 14].

Гумбольдт, как мы уже упоминали, считал себя посланником “республики учёных” и пытался организовать долгосрочное сотрудничество между научными организациями разных европейских стран. 22 октября 1838 г., работая в Париже, он советовал Уварову наладить постоянные отношения со Станиславом Эньяном Жюльеном, выдающимся французским синологом, который в течение более 40 лет был председателем кафедры китайского языка в Коллеж де Франс: “<...> осмеливаюсь обратиться к моему Президенту со смиренной просьбой относительно одного весьма почтенного лица, г. Жюльена, члена Института, с величайшим рвением занимающегося историческими и географическими изысканиями по Центральной Азии. Мой друг, г. Жюльен, уже перedal барону Мейендорфу для С.-Петербургской Императорской академии 116 китайских книг с целью обмена. <...> Мистер Жюльен добавил к ним все опубликованные им работы. Ему крайне нужен географический словарь Si-iu-thonbg-wentchi, который имеется в трёх экземплярах в Императорской библиотеке, а также Li-tsi или книга ритуалов. <...> Особое расположение, которое я питаю к Центральной Азии, заставляет меня убедительно просить Вас <...> не отказать содействовать этим переговорам. Я принимаю это очень близко к сердцу. Своей посылкой г-н Жюльен заранее доказал, в какой мере он желает быть полезным Вашей академии, и она вполне могла бы оказать ему высокую честь, избрав его своим членом. Он этого заслужил своими глубокими познаниями, мягкостью характера и услугами, которые он любит оказывать всем русским путешественникам” [17, л. 1–4].

По неизвестным причинам в течение следующих четырёх лет эти издания так и не были отправлены в Париж. В письме от 28 сентября 1842 г. Гумбольдту пришлось напомнить об этом Уварову: “Публикация этой работы была бы чрезвычайно важна для истории и географии высокогорной Азии. <...> Моя любовь к географии застав-

ляет меня быть навязчивым. Когда доживешь до 73 лет, нужно спешить насладиться жизнью” [12, л. 194, 194 об.].

Желая популяризировать знания о Сибири и Центральной Азии, Гумбольдт в своих посланиях советовал Уварову начать издавать “Азиатский журнал”: “В Ваших руках – ключ от Центральной Азии. Азиатский журнал, который выходил бы под Вашим руководством, мог бы множить знания об этой части света” [14, л. 8]. Он повторил ту же идею десятилетие спустя: “Было бы очень желательным, чтобы г-н Кемц получил возможность издавать в Дерпте журнал по физике, который бы приблизил Европу к Вашей обширной Империи, простирающейся от зоны вечной мерзлоты до равнин Геродота и зоны сахарного тростника” [12, л. 193].

Дружеское общение не прекратилось после отставки Уварова в 1849 г. с поста министра. 21 февраля 1851 г. Гумбольдт так вспоминал его достижения в этой должности: “Господин граф, если я запоздал принести Вашему превосходительству выражения моего восхищения и моей почтительной преданности, то не потому, что я был способен забыть благородные услуги, оказанные Вами как государственным деятелем наукам, которыми я преимущественно занимаюсь, и классической литературе, из которой Вы сами черпаете своё счастливое вдохновение. <...> Как я жалею, что для восстановления сил, которые истощило продолжение столь энергичной государственной деятельности <...> Вы обратились к тишине и покою научной жизни” [12, л. 198].

Перестав быть министром, Уваров вернулся к занятиям наукой в своей усадьбе в Поречье. Революционные события, ошеломившие европейскую аристократию, стали предметом обсуждения и опасений двух пожилых мыслителей. Говоря об Альфонсе де Ламартине, сыгравшем важную роль во французской революции 1848 г., Гумбольдт печально заключил: «Человек, который, как автор “Размышлений”, подавал большие надежды, измельчал, вызывая из глубины революционной трясины отвратительные призраки и рисуя их игривыми красками с безнравственным скептицизмом, который охватывает все отрасли человеческого знания и понемногу становится внешним законом» [там же, л. 198, 198 об.].

Вспоминая встречу в 1829 г., Уваров также подчёркивал близость их взглядов и взаимное неприятие крайностей революции. В августе 1852 г. он писал: “Время Вашего пребывания в Санкт-Петербурге останется одним из самых приятных воспоминаний моей как общественной, так и личной жизни. <...> Я мыслю, как Вы и как все подлинные консерваторы в Европе, мы плохо понимали бы свои самые заветные интересы, если бы возвели в принцип те крайности и преступные

злоупотребления, которых мы были, да и сейчас являемся, свидетелями. Будем надеяться, что истинная цивилизация, цивилизация прогрессивная, вскоре перестанет быть жертвой ужасных злоупотреблений, к которым люди порядка питают ещё большую вражду, чем даже их противники. Но я смолкаю, ибо на эту тему можно добавить ещё очень много, а у меня нет ни времени, ни места” [18, л. 227, 228].

В последних письмах корреспондентов наряду с ламентациями относительно неопределённого будущего цивилизации, всплывает ещё один не встречавшийся ранее сюжет. Гумбольдта беспокоит преемственность европейской культуры со времён античности. Он считает, что современные им общественные потрясения могут нанести непоправимый урон многовековой традиции. Спасти её от уничтожения — вот основная задача наследников их мировоззрения. Труд сына Уварова, известного археолога Алексея Сергеевича, по изучению “древностей Южной России и берегов Чёрного моря” [19] и вообще “исследования классики” в целом Гумбольдт расценивал как способ предотвратить сползание общества к состоянию дикости и варварства. 30 июля 1852 г. он писал из Сан-Суси: “Два экземпляра великолепного археологического труда по южным областям империи благополучно до меня дошли, но я не успел показать королю эти чудесные гравюры, плоды благородной и наследственной любви к Античности, потому что с недели на неделю ждал французского перевода, который Ваше превосходительство любезно мне обещали. Мне не хотелось накануне трёхнедельной экскурсии на остров Рюген, в которой я буду сопровождать короля, и далее лишать того, кто сохраняет к Вам (также, как и королева) столь высокое уважение и дружественные воспоминания, удовольствия насладиться тем, что граф Алексей, благодаря своим талантам, сумел открыть и истолковать в окрестностях бассейна Чёрного моря. Как приятно иметь сына, продолжающего блеск славного имени. Причастный, как и отец, к исследованиям классики, он умеет схватить тесные связи Античности с развитием культуры у современных народов. Печальные потрясения наших дней угрожали нам утратой всего, что было сохранено и завещано нам из обломков античного искусства, преемственно переданной нам цивилизации, потому что это был подкоп под самые основания общественного порядка. Было достаточно одного года, чтобы поставить под угрозу музеи и библиотеки Вены, Рима, Дрездена, Берлина и Парижа <...>. Только случай их спас” [12, л. 199, 200].

Труды сына, его будущее как учёного и общественного деятеля занимают и Уварова. В уже процитированном письме, отправленном в августе 1852 г., он рассказывает Гумбольдту о другой

его работе, имевший большой резонанс в стране — обнаружении захоронений героев Смутного времени: “<...> со времён Петра I не прекращались поиски, до сих пор безуспешные, места погребения кн. Пожарского, народного героя, который избавил свою страну от ига поляков, утвердил независимость государства и возвёл на трон дом Романовых, поныне славно царствующий в стране. Но самые усердные поиски в течение двух веков не приводили ни к каким результатам. Наконец, в прошлом году на долю моего сына выпало великое счастье найти в Суздале <...> подземную часовню, в которой покоится герой со многими членами своей семьи <...>. Правительство открывает по всей стране подписку, которая, без сомнения, даст средства для сооружения национального памятника на том самом месте, где покоятся останки освободителя России. <...> Добавлю ещё по поводу открытия останков Пожарского, что в настоящее время печатается доклад, сделанный в Академии наук академиком Погодиным, одним из учёных, которые были командированы для участия во вскрытии столь счастливо найденной могилы. Академия, конечно, не преминет дать перевод или выдержку из статьи, посланной ей нашим учёным-археологом, в своём немецком листке” [18, л. 227, 228]. К слову, доклад М.П. Погодина, прочитанный в Императорской академии наук 20 августа 1852 г., был опубликован [20].

Таким образом, обзор основных тем, затронутых в письмах Гумбольдта Уварову, демонстрирует важную роль, которую немецкий естествоиспытатель сыграл в развитии научных учреждений в России. Рекомендации Гумбольдта содействовали обеспечению российской науки квалифицированными кадрами и способствовали притоку в страну талантливых учёных, многие из которых занимали места в высших учебных заведениях и научных центрах империи и впоследствии становились академиками. Предложения популяризировать знания о Сибири и Центральной Азии, как и его участие в международном книгообмене российских и зарубежных учёных, ярко иллюстрируют вовлечённость Гумбольдта в научную жизнь в России. Очевидно, что его переписка с российскими государственными деятелями и учёными имеет большую науковедческую ценность. Она должна быть изучена и издана на современном археографическом уровне с соответствующими комментариями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр фон Гумбольдт в русской литературе: аннотированная библиография / Сост. Н.Г. Сухова. СПб.: Нестор-История, 2006.
2. Переписка Александра Гумбольдта с учёными и государственными деятелями России / Отв. ред. Д.И. Щербаков. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

3. *Пивоваров Е.Г., Скрьдлов А.Ю.* “Историческая истина – очень грустная вещь”: переписка А. Гумбольдта с С.С. Уваровым // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. № 2. С. 347–367.
4. Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах... СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911–1913.
5. *Селзнёва Е.С.* Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989.
6. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1388. Л. 76, 78.
7. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. 1953–2003 / Отв. редакторы В.М. Орёл и Э.А. Тропп. СПб.: Политехника, 2003.
8. *Есаков В.А.* Александр Гумбольдт в России. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
9. Архив Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Не обработан.
10. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81. Л. 208.
11. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1818). Д. 29. § 356.
12. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 41/174. Л. 193–200.
13. П. С[виньин] в Москву А.А. Иовскому. О бароне Гумбольдте // Отечественные записки. 1829. Ч. XXXVIII. № 108. С. 283.
14. РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 413. Л. 6–8, 10, 11, 13, 14.
15. Séance extraordinaire tenue par l'Académie Imperiale de Sciences de Saint-Petersbourg en l'honneur de M. le baron Alexandre de Humboldt le 16 Novembre 1829. St. Petersburg: Académie Impériale des Sciences, 1829.
16. ОР РНБ. Собрание Вакселя. Д. 1310. Л. 1.
17. ОР РНБ. Ф. 991. Д. 603. Л. 1–4.
18. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 41/126. Л. 227, 228.
19. *Уваров А.С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. СПб.: Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг, 1851–1856.
20. Учёные записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 162–194.